

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Приговор **полковника Гурова**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Приговор полковника Гурова

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Приговор полковника Гурова / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2015 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-83455-6

Полковнику Гурову не повезло. Он приехал в Крым, чтобы как следует отдохнуть, но не получилось. Прекрасным ранним утром на пляже был обнаружен труп молодого мужчины. Увядающая красотка Алевтина, соседка Гурова по номеру, тотчас кинулась к сыщику с мольбой: никто не должен знать, что убитый молодой человек – ее любовник Алик! Никто! Ибо если о тайной связи узнает муж Алевтины, влиятельный столичный чиновник Виктор Кроханов, то разразится грандиозный скандал. Тут из Москвы приходит приказ Гурову заняться расследованием этого убийства, причем с тем же условием: ни словом, ни намеком не упоминать в отчетах Алевтину. В общем, главная свидетельница оказалась неприкосновенной фигурой. Что ж, полковник Гуров привык к сложным задачам. Он звонит в Москву своему коллеге Стасу Крячко и просит навести кое-какие справки об убитом Алике...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83455-6

© Леонов Н. И., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Приговор полковника Гурова

© Леонова О.М., 2015

© Макеев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

– Гуров! – Послышался звук отпираемой двери, и Мария влетела в комнату. – Гуров, привет! Это я!

Лев сонно повел бровями, пытаясь определить, снится ему это или нет. Когда он ложился, Марии дома не было, да и быть не могло...

Шел первый день его августовского отпуска, и он собирался честно и заслуженно отоспаться хотя бы первые три. К тому же Мария уехала на гастроли, и закончиться они должны были только через три недели. Увы, их отпуск редко приходился на одно и то же время: Мария служила в театре, и лето всегда было у нее гастрольным сезоном. А он, будучи опером по особо важным делам в Главном управлении внутренних дел, и вовсе уходил в отпуск не тогда, когда пожелает, а когда для этого появится возможность. И то никогда нельзя было быть уверенным, что ему дадут отгулять законные четыре недели.

В любой момент могли позвонить и потребовать срочно выйти на работу, если вдруг происходило какое-то особо тяжкое или громкое преступление. Формально, конечно, Лев мог отказаться, однако практически никогда этого не делал. Во-первых, требование явиться в главк всегда исходило от его непосредственного начальника генерал-лейтенанта Петра Николаевича Орлова, который был для Льва не только начальством, но и давним другом. И вызывал он Гурова, своего лучшего опера, не из вредности старческого характера, как порой язвительно заявлял второй лучший сыщик отдела и друг Гурова Станислав Крячко. Орлов делал это в случае крайней необходимости, и сам, даром что дослужился до генерала, был лицом подчиненным.

А во-вторых, Лев Гуров свою работу любил и относился к ней ответственно. Будучи прирожденным сыщиком, который пошел работать в тогда еще МУР по призванию, а не ради сомнительных привилегий, он знал, что все равно не сможет спокойно отдыхать, если в ставшем за несколько десятков лет родным ему ведомстве произошло нечто важное и все другие сотрудники сейчас не имеют и минуты отдыха. Знал, что не сможет спать, пока не будет пойман преступник или преступники. Поэтому он всегда, лишь услышав голос Орлова в телефонной трубке, звучащий казенно и в то же время виновато, кратко отвечал: «Выезжаю!»

Словом, Марии и Льву, мужу с женой, редко удавалось полноценно отдохнуть вместе. Не получалось это и в нынешнем году: Лев неожиданно получил отпуск в августе – прекрасное время, он уж и забыл, когда в последний раз уходил в него летом. Он и сам не ожидал ничего подобного; ближайшей датой, которая ему светила, был ноябрь. Но генерал-лейтенант Орлов лично вызвал его и сказал, что приказ готов, так что пусть Лев ставит свою подпись и бегом бежит в бухгалтерию за деньгами. Внезапно выдавшееся затишье в делах, отсутствие громких преступлений, укатившее на отдых в дальние страны министерство – все это сыграло свою роль, которой поспешил воспользоваться Орлов.

Казалось бы, радуйся, бери в охапку жену и мчись куда угодно – хоть на гламурные Мальдивы, хоть в «народную» Турцию, хоть вообще прокатись по России; загляни на Дальний Восток, если утомила жара. А она не просто утомила, она откровенно допекла уже и москвичей, и всех жителей средней полосы.

Но жены-то как раз и не было... Она отправилась с трупой на гастроли в Голландию, и нечего было даже и мечтать о том, чтобы отправиться куда-нибудь вместе. Вчера вечером Лев все же сообщил ей по телефону, что отныне занимается заслуженным бездельем, хотя знал, что она будет расстроена. Не тем, конечно, что муж получил наконец долгожданный отпуск, а тем, что снова не получается провести его так, как давно мечталось. И вот Мария неожиданно появляется дома на три недели раньше. Голос ее зазвучал над самым его ухом:

– Гуров! Слышишь меня? Просыпайся, мы едем в Крым!

– В какой Крым, ты что? – Лев оторвал голову от подушки.

Все еще надеясь, что это продолжение сна, он хотел уже перевернуться на другой бок, но прикосновение к его плечу было более чем явственным и реальным. Причем Мария особо не церемонилась: обхватив Гурова за плечи, она довольно сильно затормошила его, приговаривая:

– Ну просыпайся же ты наконец! Понимаю, что ты решил, пользуясь счастьем одиночества, проспать весь отпуск, но поверь, есть куда более интересное ему применение!

– Да уж конечно... – пробормотал Гуров, протирая глаза.

Мария сидела рядом на диване – живая, настоящая, с растрепанными волосами и возбужденно блестящими глазами – и водила по его плечам холодными пальцами. Они у нее всегда, даже в жару, почему-то были прохладными, и летом это было особенно приятно.

– Ты мне лучше скажи, откуда ты взялась? – садясь на постели, спросил Лев. – У тебя же гастроли!

– С самолета! – сообщила Мария, весело улыбаясь. – А гастроли мои закончились!

– Это еще почему? Ты наконец высказала главрежу все, что о нем думаешь, и грохнула на стол заявление об увольнении по собственному?

– Увы, я слишком малодушна для этого, – притворно вздохнула Мария.

– Да ладно, рассказывай! – Гуров, смеясь, обнял жену. – Что случилось?

– Да! – Мария махнула рукой. – Ничего особенного, не бери в голову. Просто этот новый продюсер, который повез нас в Голландию, оказался обыкновенным дерьмом!

– Это стандартная твоя характеристика продюсеров, – продолжая посмеиваться, сказал Лев.

– Ну я же не виновата, что они все на одно лицо! – пожала плечами Мария. – Из всех, что попадались мне, только Войниченко был нормальным!

– Помнится, он тогда попался на мошенничестве с билетами, и его с треском уволили, – заметил Гуров. – И ему еще крупно повезло.

– Зато он к артистам относился по-человечески! – возразила Мария. – Мошенничал там себе, не впутывая нас, и не наживался на наших талантах!

– А этот что? – полюбопытствовал Гуров, которому, в сущности, была не очень интересна личность нового продюсера театральной труппы; главное, что Мария была дома, живая и здоровая и даже, кажется, ничуть не расстроенная преждевременным окончанием гастролей. Любопытство его к кандидатуре нового продюсера было связано в первую очередь с тем, что было подогрето предшествующими событиями.

Нужно признаться, с продюсерами театру в последнее время действительно не везло. Предыдущий отличался тем, что брал за свою работу слишком большие гонорары, которые в конце концов выросли до неприемлемых для театра возможностей, и худрук вынужден был отказаться от его услуг. Тот, что был еще раньше, вел себя поскромнее, но и работал, увы, еще более скромно. В итоге весь прошедший летний сезон труппа просто проскучала в Москве, толком ничего не заработав. Предшествующий ему Войниченко, которому вскользь симпатизировала Мария, в глазах Гурова был обыкновенным пройдохой.

Вот почему он даже обрадовался, когда узнал, что в театр пришел новый человек, изъясивший желание продюсировать труппу в летний период. Назвался он Заруцким Ильей Витальевичем. Гуров сам не имел чести его лицезреть, но по словам Марии, тот держался очень уверенно и даже вальяжно. Сразу заявил, что работал в Европе несколько лет, знаком с ведущими театрами и их руководителями и способен организовать такие гастроли, что довольными останутся все.

Худрук растаял от таких перспектив, тем более что сам он улетал в Штаты по приглашению и должен был отсутствовать в Москве до начала осени. Поэтому он был рад, что театральная труппа мало того что не остается бесхозной, так она еще отправится в тур по Европе со спектаклями нового сезона. Ну и дополнительный заработок, который новый продюсер оха-

рактизовал многозначительным подъемом бровей, его очень прельщало. Словом, худрук с чистой совестью улетел в Штаты, а вверенная ему труппа засобиравалась в гастрольный вояж, первым пунктом которого должна была стать Голландия. По словам нового продюсера, в этой стране его особенно почитали. И вот теперь Гурову было интересно, что же такого непредвиденного могло случиться в Голландии, что его жена, будучи не только ведущей актрисой, но и очень дисциплинированной, прервала гастроли в самом начале.

– Этот! – презрительно фыркнула Мария и разгладила юбку на коленях. – Этот отнесся к нам как к каким-то гастарбайтерам! Использовал нас как рабов!

– Вы работали за еду? – участливо спросил Гуров.

– Не иронизируй, пожалуйста, практически да! – поморщилась Мария. – Началось с того, что повезли нас на каком-то допотопном автобусе. Я уж молчу о самолете, ладно, доехали бы автобусом – не далека дорога! – но должен же это быть хотя бы комфортабельный транспорт! А это просто какая-то жуть! Мотор ревет, в салоне вонючка, окна не открываются, кондиционера нет... Да что там кондиционера – туалета нет! Артистам приходилось бегать в кусты на редких остановках, потому что этот гад экономил на всем и запретил останавливаться часто.

– Так он тоже ехал с вами? Как его там, Заруцкий, кажется?

– Как бы не так! – ехидно сказала Мария. – Да, Заруцкий. Не знаю, на чем добирался он, но приехал в Голландию раньше нас. Еще недоволен был, что мы задержались! А как на такой развалюхе раньше получится? Три раза этот драндулет ломался по дороге, по полчаса завести не могли! Водитель даже просил, чтобы мы подтолкнули, представляешь? Если бы мне рассказали, что такое возможно, я бы не поверила!

– А ты не преувеличиваешь? – с сомнением посмотрел на жену Лев.

– Я? – Мария аж задохнулась от возмущения. – Ты же знаешь, Гуров, один из моих главных недостатков – это патологическая честность!

– Да-да, именно поэтому ты оправдываешь вашего прежнего проворовавшегося продюсера, – улыбнулся Лев.

– Ну это совсем другое! Войниченко никогда бы не позволил себе такого хамского отношения к артистам! Мы ехали восемнадцать часов! Пошел дождь, в итоге добрались до места измотанные, голодные, грязные, мокрые, и единственным нашим желанием было вымыться в горячей воде и завалиться в постель! Но даже такой малости мы оказались лишены, потому что этот прохвост поселил нас в какой-то гадюшник на окраине, где не было даже горячей воды! Представляешь себе такое? В цивилизованной Европе найти место без горячей воды – это же еще постараться надо!

– Да уж, действительно! – с удивлением заметил Гуров. – Что же это за отель такой?

– Отель! Как выяснилось, это какая-то частная гостиница, которой владеет добропорядочная гей-пара. Так вот, горячая вода у них, разумеется, есть, вот только пользоваться они ею не разрешают и просто перекрывают кран, потому что это слишком дорого! Как тебе такое?

– М-да... – Гуров почесал голову. – Я бы тоже не поверил... А как же ваш продюсер на это реагировал?

– Да его-то как раз все устраивало! Ты что, еще не понял? Он намеренно экономил на нас, находил все что подешевле! Ей-богу, я себя чувствовала какой-то крепостной актрисой! – Мария передернула плечами.

– Но вы подняли вопрос об этом безобразии?

– Еще бы! Высказали ему все, правда, только на следующий день, потому что он сам поехал ночевать куда-то еще, даже не предупредив нас! Мы пытались уехать и поселиться в каком-нибудь приличном месте, за собственные деньги, но нас просто тупо непустили! Сказали, что все оформлено документально, и помахали перед носом какой-то бумажкой. Когда мы попросили об ужине, предложили кофе с какими-то дерьмовыми бутербродами с селедкой. Ты представляешь себе такое сочетание – кофе с селедкой? Я, знаешь ли, не привередлива, к

тому же за годы работы в театре привыкла совершенно спокойно питаться бутербродами, да и вообще я не сноб, но это уж слишком!

– А альтернатива была какая-нибудь? – поинтересовался Гуров.

– А как же! Просто селедка, без хлеба! А из напитков – молоко. Кушать селедку с молоком я сочла еще большим безумием, чем с кофе, поэтому просто выпила чашку молока и пошла спать. Дождь не прекращался, в комнате было сыро и холодно, так называемые «номера» находились в самом низу, в подвальном помещении, теплых одеял не было. Мы проворочались всю ночь, пытаюсь уснуть, встали злые и невыспавшиеся. Тут звонит наш драгоценный продюсер и требует, чтобы мы ехали на спектакль. Даже без репетиции! Наши разумные доводы, что нам нужно хотя бы вымыться и привести себя в порядок, да и поесть не мешало бы чего-нибудь посущественнее селедки, его не убедили. Он вообще был удивлен нашим возмущением, говорил, что это обычные дорожные издержки и что мы вообще должны быть счастливы, что нам довелось выступать в амстердамском драмтеатре! Ну, тут уж мы не выдержали и заявили, что немедленно уезжаем. Он, правда, тут же примчался, орал, что театр должен будет выплатить ему неустойку, грозил еще какими-то штрафными санкциями...

– Ну и чем все кончилось-то? – спросил Гуров, которого прежде всего интересовал итог.

– А ничем! – повела плечами Мария. – Послала я его подальше да и поехала в аэропорт! И через три часа уже высадилась в Шереметьеве!

– Ты одна уехала? – уточнил Гуров. – Или все?

– Не совсем все, но большинство. Котова уехала, Смирнова, Полозов, Крутицкий, Морозов – словом, весь основной состав. Остались полтора человека с массовой, и все!

– А хуруку-то позвонили?

– Пришлось, – вздохнула Мария. – Он, конечно, был недоволен, но когда мы хором ему сообщили, что сами подадим в суд на этого продюсера, смягчился. Сказал, чтобы до его приезда ничего не предпринимали, просто ждали, и все.

– Понятно, – кивнул Гуров. – Я тебе, конечно, очень сочувствую и сейчас же приготовлю нормальный кофе. Кстати, и нормальные бутерброды.

– Надеюсь, не с селедкой? – с подозрением спросила Мария.

– Ну о чем ты! Сыр, колбаса, ветчина – все, как ты любишь.

– Ну вот и славно! – Мария поднялась, выгнула длинную узкую спину и потянулась. – Как все-таки хорошо быть дома!

– Ты мне лучше скажи, при чем тут Крым, – осторожно поинтересовался Гуров, нарезая сыр и ветчину. – Или это ты просто так?

– Нет, что ты! – Мария оживилась. – Понимаешь, я в самолете разговорила с попутчицей, так вот, у ее сестры в Москве туристическое агентство. И она рассказывала, что в этом году они с семьей уже отдыхали в Крыму и им там здорово понравилось. А сейчас как раз есть несколько горящих путевок с хорошей скидкой. Пятизвездочный отель! Если поедем немедленно, сэкономим пятьдесят процентов! Так что собирайся! – Мария изящно подцепила бутерброд и принялась есть.

– Подожди, подожди... К чему такая импульсивность? Во-первых, ты только что вернулась, причем не из самой лучшей поездки, – начал возражать Гуров.

– Вот именно, – тут же перебила Мария. – И я очень хочу сгладить эти незабываемые впечатления. Поездка в Крым кажется мне вполне достойной компенсацией. Да еще и за половину цены!

– Ох, не нравится мне это, – покачал головой Гуров. – С чего такая щедрость? Все эти попытки сэкономить ни к чему хорошему не приводят. А вдруг там тоже будет какая-нибудь дыра с ночевкой в курятнике? Ты же только что на этом обожглась!

– Ничего подобного, я уже залезла по дороге в Интернет и все узнала. Отличный пятизвездочный отель, море в двух шагах, трехразовое питание, двухместный номер с душем и телевизором, бар, бассейн – словом, все замечательно.

– И за полцены? – недоверчиво спросил Гуров.

– Я же говорю, у них сейчас скидки! Все-таки это первый российский туристический сезон в Крыму, народу не так много.

– Не знаю, – с сомнением протянул Гуров. – Надо подумать.

– Некогда думать, – решительно заявила Мария. – Я уже заехала по дороге в агентство и оставила заявку на заказ, оплатила половину, теперь нужно только все оформить. Мне нужен твой паспорт. Самолет сегодня вечером.

Гуров остолбенел и чуть не выронил нож. В изумлении он смотрел на жену несколько секунд, в течение которых та лишь беспечно покачивала ногой и невинно улыбалась.

– Ну ты даешь, мать! – только и произнес Лев. – Могла бы хотя бы посоветоваться!

– Ты обязательно стал бы тянуть резину, и в итоге мы остались бы дома! – возразила Мария.

– Ты утомилась с дороги, тебе надо отдохнуть и отоспаться хотя бы три дня!

– Ничего, я вполне могу сделать это в Ялте.

– Ты авантюристка! – воскликнул Лев.

– Да, и тебе это прекрасно известно! – Мария принялась за второй бутерброд.

Гуров постоял в замешательстве, потом лишь развел руками, отложил нож и вышел из кухни. Мария, посмеиваясь, прислушалась. До нее донеслось легкое пиканье – Гуров нажимал кнопки на своем сотовом телефоне.

«Иес! – подумала она. – Согласился. Орлову звонит. Ну слава богу, все удалось!»

Вот так и вышло, что полковник Гуров, еще днем мирно почивавший в одиночестве в своей квартире, вечером того же августовского дня приземлился в курортной столице Крыма и шел по дорожке, ведущей к пансионату под названием «Лазурная бухта». Мария в солнечных очках легкой походкой шла рядом, держа его под руку, смотрела по сторонам и была счастлива. А он думал, что сорваться вот так из душной Москвы на Южный берег Крыма действительно не так уж и плохо. И вообще, в спонтанных поездках есть свои преимущества.

Собрались они быстро, буквально в считанные минуты. У только что вернувшейся из неудачного вояжа Марии багаж был не разобранным, и ей оставалось взять лишь купальные принадлежности и кое-что по мелочи, а Гуров вообще в быту был неприхотлив. Покидав в сумку самое необходимое, он закинул ее на плечо, подхватил дорожный чемоданчик жены, и они вместе отправились в турагентство, где и получили свои путевки.

По дороге в аэропорт Гуров сделал два звонка – генерал-лейтенанту Орлову и Станиславу Крячко. Орлов к заявлению Гурова о поездке в Крым отнесся сдержанно, но благословил. Крячко же открыто выразил и белую зависть, и радость, и досаду, что на целых три недели остается в отделе один за старшего: отпускать сразу двоих своих лучших оперативников генерал-лейтенант отказался категорически.

– Смотри, в политический конфликт не ввязись, Лева! – напутствовал Станислав друга.

– Какой конфликт, о чем ты? В Крыму все спокойно.

– Э, не скажи, Лева! Сейчас спокойно – завтра по-другому. Ситуация такая, знаешь, нестабильная!

– Ладно, я тут вообще ни при чем! Я не в военном ведомстве служу, а в Крым вообще еду отдыхать.

– Вот и отдыхай, – отозвался Крячко. – Загорай, поправляйся, набирай вес!

– А то тебе одному обидно с пузом ходить, – сыронизировал Гуров. – Ладно, пока!

Словом, в Ялту полковник Гуров прилетел с легким сердцем. Он действительно собирался эти две недели предаваться сплошному безделью, имея на это полное право.

Пансионат «Лазурная бухта» располагался в одном из небольших крымских поселков, у которого, кажется, даже не было названия. Здание было четырехэтажным и построенным давно, но видно, что совсем недавно в нем сделали свежий ремонт.

Двухместный номер, в котором Гурову с Марией предстояло прожить ближайшие две недели, оказался небольшим, но при этом довольно комфортабельным и оснащенным всем необходимым.

Поставив вещи в углу, Лев лег прямо на застеленную кровать и с наслаждением вытянул ноги. Однако полежать всласть ему не пришлось: Мария тут же затеребила его, говоря, что в Ялту они приехали не для того, чтобы валяться в номере, и утащила мужа на пляж, предварительно обрядив его в цветастые шорты и широкую гавайскую рубашу, а на голову водрузила какой-то немыслимой расцветки панаму.

– Я похож на какого-то стареющего фрика! – воскликнул Лев, украдкой ловя свое отражение в стеклах стоявших на парковке машин.

– Не выдумывай! Старение – объективный процесс, – невозмутимо отвечала Мария. – А этот наряд хоть как-то придает тебе оттенок молодости.

– Ну знаешь! – возмутился Гуров. – Посмотрим, как ты будешь одеваться лет через пятьдесят!

– Я с тобой столько не проживу, – смеясь, проговорила Мария, уже устраиваясь в шезлонге и подставляя лицо солнцу. – Шучу, шучу! Не ворчи, Гуров!

Лев, подавив вздох, опустился в соседний шезлонг. Народу было не очень много: пляж принадлежал пансионату, и это была закрытая территория. Публика присутствовала довольно однообразная, в основном это были пары разного возраста, некоторые с детьми, молодежи наблюдалось немного – для них на побережье наличествовали отели иной направленности, с обилием баров и дискотек.

Все вели себя обычно. Несколько выбивалась из всеобщей массы одна пара: парень лет двадцати – двадцати двух и его спутница – женщина средних лет, хотя и моложавая, стройная и очень ухоженная. Особенно хороши были длинные волнистые волосы рыжеватого оттенка, казавшегося натуральным. Косая, небрежно подстриженная челка падала на лоб, и такая прическа очень молодила женщину. Хотя при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что ей уже за сорок.

Парень обладал классической внешностью, на которую часто «западают» женщины разных возрастов: загорелый блондин со смазливой лицом, мускулистыми плечами и узким тазом, на котором красовались ярко-алые стринги. Парень производил впечатление явного мачо и вел себя соответственно. Он ловил невольные заинтересованные взгляды окружающих женщин, сам при этом поглядывая на них снисходительно, плавал, демонстрируя хороший спортивный стиль и атлетическую фигуру, потом потягивал коктейли в шезлонге, не забывая подносить их своей спутнице. Та преимущественно загорала, лишь изредка и ненадолго заходя в море.

Зато Мария плескалась вовсю и, кажется, была абсолютно счастлива. Гуров не мешал ей, он был, в сущности, доволен, что жена получает хорошую моральную компенсацию за причиненные в неудачном гастрольном туре неудобства. Откинувшись в шезлонге, он задремал, а проснулся от оживленного диалога неподалеку. Открыв глаза, он увидел Марию, которая беседовала о чем-то с соседкой – спутницей того самого блондинистого красавчика.

– ...Это невероятно интересно! Я всегда с большой теплотой относилась к артистам! – долетел до ушей Гурова восторженный голос женщины. – Знаете, в юности я и сама мечтала стать актрисой, но, увы, не сложилось. Знаете, раннее замужество, семейные хлопоты, в которые я окунулась с головой, потом рождение сына... Порой, знаете, жалею о своей юношеской мечте, ведь мне говорили, что у меня талант, – кокетливо вздохнула она. – А вы в каком театре работаете?

– Служу, – кратко поправила даму Мария.

– Знаете, давайте прогуляемся по берегу, и вы мне расскажете о своей замечательной профессии! – предложила дама, беря Марию под руку.

Та едва заметно поморщилась: Гуров знал, что жена терпеть не может чужих прикосновений, а также расспросов о своей профессии. И еще она не любила людей бестактных и навязчивых – впрочем, как и он сам. А дама, кажется, вцепилась в нее не на шутку.

– Алик! – крикнула она, приложив ладонь ко лбу и всматриваясь в даль моря. – Не хочешь составить нам компанию?

Алик, заплывший довольно далеко, помахал рукой и крупными гребками стал приближаться к берегу. Выйдя на сушу, он склонил голову перед Марией, а новоявленная знакомая тут же сказала:

– Мы хотим прогуляться и поболтать. Моя новая приятельница Маша – актриса московского театра.

Последнюю фразу дама произнесла многозначительно и одарила парня выразительным взглядом. Но ни он, ни Мария не разделяли восторгов дамы. Мария вообще стояла с мрачным видом, и настроение ее явно потускнело. Ее совершенно не радовало близкое знакомство с этими явно чуждыми ей людьми. К тому же она терпеть не могла панибратства, и это фамильярное «Маша» покорило ее. Причем настолько, что она даже не пыталась включить свой актерский талант, чтобы это скрыть. Парень же, извиняясь, прижал руки к груди, негромко что-то сказал и направился к шезлонгу, где принялся обмазывать свое мускулистое тело кремом для загара. Мария сдержала вздох облегчения, однако у дамы была иная реакция.

– Вот так всегда! – вздохнула она. – Конечно, ему с нами неинтересно. Молодежь!

– Ваш сын? – сочувственно спросила Мария, увлекаемая дамой в сторону.

Ответа Гуров не расслышал. Он хотел было прийти на помощь жене и позвать ее купаться, дабы избавить от общества сына навязчивой особы, но ситуация разрешилась сама собой.

Когда Мария со спутницей отошли, Гуров поднялся из шезлонга, потянулся и пошел к морю, решив наконец искупаться, пусть и в одиночестве. Вода была отличная, и полковник с удовольствием проплыл метров двести, после чего перевернулся на спину и отдыхал, покачиваясь на волнах, лишь слабо шевеля ногами.

Гортанно кричали пролетающие мимо чайки, слышался плеск волн, легкое дуновение ветра, доносился смех плещущихся в воде детей, и в этой мирной обстановке Лев вдруг различил какой-то жалобный вскрик. Он тут же повернулся и посмотрел в сторону берега. Там все было спокойно. Мария уже вернулась и теперь сидела в своем шезлонге, поглядывая, как муж наслаждается морскими волнами. Ее спутница куда-то исчезла, но Гурову это было совершенно неинтересно. Мария помахала ему рукой, и Гуров ответил. Он решил, что ему показалось – принял крик чайки за человеческий, – однако спустя несколько секунд все повторилось, только вскрик стал более приглушенным.

Гуров нахмурил брови и огляделся. В море не было ни лодок, ни яхт, лишь где-то совсем вдалеке проплывал белоснежный теплоход, но он находился на таком отдалении, что расслышать что-либо с его палубы было просто нереально. Из пансионата, стоявшего на берегу, тоже не доносилось ничего похожего, да и вообще, Гуров был уверен, что вскрик прозвучал с левой стороны.

Повернув туда голову, он увидел только поросшую кудрявой зеленью деревьев и кустарников гору. Гора, казалось, была пустынной, никаких туристов на ней не было. Гурову был виден лишь обращенный в его сторону пологий склон. Возможно, кто-то проходил по другой стороне, но увидеть этого было невозможно.

Заинтересованный, Гуров медленно поплыл вдоль берега к склону горы. Мария, наблюдая за ним, окликнула его, но он лишь махнул рукой в знак того, что все в порядке. Дамы, вызвавшей на прогулку с Марией, и ее аполлоноподобного сына поблизости не было.

Гуров быстро достиг горы, снизу она казалась совсем крутой и неприступной. В этом месте берег закруглялся, образуя мыс, и Гуров поплыл туда. Обогнув склон, он снова поднял голову, однако так и не увидел никого из людей. Он подождал некоторое время, но никакого крика не повторилось. Вообще было тихо, никаких посторонних звуков не доносилось до ушей полковника, не считая обычного визга детей на пляже и смеха их родителей.

Торчать здесь без явной цели было по меньшей мере нелепо, и Гуров повернул обратно. Выбравшись на берег, он поспешил к Марии и сел рядом с ней.

– Устал? – спросила Мария, заботливо накидывая на его плечи полотенце.

– Нет, ерунда, – небрежно ответил он, – я и плавал-то всего ничего.

Мария едва заметно усмехнулась, ничего не сказав.

– Ну а как вы прогулялись? – торопливо поинтересовался Гуров. – Вижу, у тебя появились новые знакомые?

– Да! – Мария отмахнулась. – Совершенно бесполезное знакомство!

– Молодящаяся мама и ее сынок? – улыбнулся Гуров.

Мария бросила на него недоуменный взгляд:

– Какой сынок, я тебя умоляю? Это ее бойфренд!

– А-а-а, – протянул Лев. – А ты же сама вроде бы ей сказала, что он ее сын.

Мария усмехнулась уголком рта:

– Слушай, Гуров, ей-богу, я порой просто поражаюсь твоей наивности! Разумеется, я сразу поняла, что это любовник при богатенькой тетеньке. Просто сыграла дурочку. Не забывай, я ведь все-таки актриса! Не могла же я сразу дать понять, что мне все очевидно. Нужно было сыграть в вежливость. Подумай сам – разве станет ТАКОЙ сынок отдыхать с мамой? И вообще, думаю, для него это не отдых, а работа.

– В каком смысле? – не понял Гуров.

– Да в самом прямом, – хмыкнула Мария. – Ты и в самом деле наивен, сыщик, несмотря на свой колоссальный жизненный опыт!

– Просто для меня работа подразумевает несколько иное, – усмехнулся Гуров. – Ладно, бог с ними. Скажи мне лучше, ты ничего не слышала?

– Нет, – Мария пожала плечами, – я так понимаю, что ты имеешь в виду нечто необычное. Что случилось?

– Да скорее всего, ничего, – успокоил ее муж. – Пойдем-ка лучше ужинать, а то я, знаешь, здорово проголодался!

Мария пристально заглянула ему в лицо.

– Что-то все-таки не так, – констатировала она.

– Да все в порядке, – успокоил ее Гуров. – Просто сила профессиональной привычки – видеть во всем подозрительные факты.

– Ладно, сыщик! – рассмеялась Мария, поднимаясь. – Пойдем! А то и впрямь скоро ужин.

Она подхватила полотенце и направилась в сторону пансионата. Постояв еще некоторое время, Гуров двинулся следом за женой.

Глава 2

Пансионат располагал двумя ресторанами: первый больше походил на кафе, в него мог зайти пообедать любой желающий, и меню было соответствующим. Вторым же, предназначенным исключительно для посетителей пансионата, больше соответствовал своему названию. Он располагался на четвертом этаже, и именно туда отправились Гуров с Марией на ужин. Все эти организационные тонкости выяснила Мария, причем Гуров мысленно только удивлялся, когда она успевает узнавать вещи, о которых он понятия не имеет.

Многие обедали внизу – там было дешевле, к тому же кафе находилось на террасе, что в условиях летней жары было очень кстати, – так что ресторан на четвертом этаже был полупустым.

Пододошедший официант в униформе пансионата учтиво склонил голову и поинтересовался, выбрали ли они что-нибудь. Мария, уже просмотрев меню, принялась увлеченно диктовать ему заказ. Официант торопливо записывал его в блокнот. Тут Гуров ощутил, насколько он проголодался, и решил присоединиться к выбору жены, которая на этот раз не скромничала.

– Ты просто совсем оголодала после голландских разносолов, – усмехнувшись, заметил он.

– Сто лет не ела крымской кухни, так что не могу дождаться, – Мария откинулась на спинку стула, обмахиваясь листком с меню.

В помещении работал кондиционер, так что было прохладно, но очень душно: все окна были закрыты.

– Может быть, нам стоило поужинать на свежем воздухе? – заметил Лев, наблюдая за ее манипуляциями.

– Конечно, стоило! – усмехнулась Мария. – Но там наверняка устроилась Аля со своим жиголо!

– А, ты об этой возрастной даме? – Гуров поморщился. – Ее зовут Аля?

– Ее зовут Алевтина Федоровна! – раздраженно отозвалась Мария, увеличив амплитуду размаха листка. – Но она, разумеется, мнит себя девочкой и просит называть Алей! К тому же, по ее мнению, это нас с ней сблизит! И меня она называет исключительно Машей! Аля и Маша – какая прелесть!

– Спасибо еще, что не Маня! – посмеиваясь, сказал Лев и добавил: – Может быть, ты к ней несправедлива? В смысле, что ты ей понравилась и она искренне хочет подружиться?

– Понравилась, как же! – фыркнула Мария. – Как будто непонятно, что ей от меня нужно! Да она этого и не скрывает! Она хочет пристроить своего альфонса на сцену. А мне это надо? И вообще, по-моему, она этого хочет куда больше, чем он.

– И что же, мы так и будем от них бегать все время? – пожал плечами Лев.

– Не знаю! Не могу придумать повода, чтобы от них отделаться! Надеюсь только, что она найдет себе другую жертву. Когда поймет, что, в сущности, от меня проку мало. Что я могу? Замолвить словечко, чтобы мальчика взяли в театр? На нищенскую зарплату? Статистом, рабочим сцены? Я ведь не в шоу-бизнесе работаю. Вот и пытаюсь ей это втолковать, чтобы она наконец-то переключилась на кого-то более влиятельного. Наверняка среди отдыхающих можно такого найти.

– Может быть, уже нашла, – успокаивающе проговорил Гуров, видя, что жена его завелась всерьез от этой ситуации. – Давай лучше спокойно поужинаем вдвоем.

Он оглянулся посмотреть, не несут ли заказ. В это время как раз появился официант с подносом и принялся расставлять блюда на стол.

– Вот вы где! – послышался над ухом Гурова тонкий женский голос. – А мы так и подумали, что вы пошли в ресторан! И мы решили подняться сюда же. Внизу, знаете ли, поднялся ветер – аж салфетки со столиков сдувает. Алик, располагайся!

И Алевтина Федоровна, она же Аля, не церемонясь, отодвинула от соседнего столика стул и уселась за тот, где сидели Гуров с Марией. Алик, подавив усмешку, послушно устроился рядом. Гуров бросил искоса взгляд на Марию. Лицо той было похоже на недозревшую сливу. Но Алевтина ничего и никого, кроме себя, не замечала и продолжала щебетать:

– А вы что выбрали? Ой, каре ягненка! Я тоже хочу! А вот солянку не буду – я ее терпеть не могу! К тому же после соленых огурцов наверняка захочется пить. Алик, я закажу нам...

Алик равнодушно пожал плечами, давая понять, что он согласен с любым решением, которое примет его спутница. Она окликнула официанта, тот подошел к столику и вопросительно уставился на них. Алевтина тут же принялась перечислять выбранные блюда. Она так быстро тараторила, что официант попросил ее диктовать помедленнее, поскольку не успевал записывать. Алевтина недовольно поморщилась, а когда официант отошел, проговорила:

– Наберут кого попало, а потом заказа два часа ждешь! Профессионализм на нуле! Все-таки Крым в этом отношении деревня, правда?

Она подняла бровь, посмотрев на Гурова с Марией и явно приглашая их принять участие в дискуссии. Ни Марии, ни полковнику не улыбалась подобная перспектива. Мария вообще уткнулась в тарелку, а Гуров из вежливости проговорил:

– Давайте все-таки будем снисходительны. Парень молодой, не слишком опытный. Все у него впереди!

– Нет, нет! – стояла на своем Алевтина. – Это все издержки провинциального сервиса! В Москве ни с чем подобным не столкнешься! Здесь вообще безобразие творится! Вы, кстати, слышали, что вчера ночью ограбили кафе неподалеку? Кучу денег вынесли! Так и нас всех могут ограбить! Здесь же деревня фактически!

Гуров не стал продолжать бесполезный спор. Он, подобно Марии, сосредоточился на ужине, который оказался по-настоящему вкусным. Солянка была приготовлена по высшему разряду, и полковник, с аппетитом поглощая горячее блюдо со щедрой порцией мяса, увлекся процессом и перестал обращать внимание на капризную соседку. Та, потеряв на время собеседников, переключилась на своего Алика, принявшись вдруг убеждать его, насколько необходимо молодому человеку иметь хорошую профессию. И если бы Гуров не знал от Марии, что за отношения связывают этих людей, то был бы уверен, что наблюдает за тем, как мать читает нравоучения великовозрастному сыну-балбесу.

Алик ничего не возражал, с легкой безразличной улыбкой внимая словам спутницы, и ей вскоре надоело говорить в пустоту. Гуров уже понял, что Алевтина относится к особам нервным, не терпящим ожидания и молчания. Поэтому она тут же начала искать новую тему и быстро нашла. Оглядевшись, она принялась сетовать на то, что кондиционер работает со слишком большой мощностью и от этого в зале холодно.

– Нужно попросить убавить мощность! – завершила свою тираду Алевтина требовательной репликой, явно обращенной к мужчинам за столом.

Но ни Гуров, увлеченный вкусным обедом, ни Алик, уткнувшийся в айфон, никак не отреагировали. Алевтина открыла было рот, чтобы продолжить высказывать недовольство, но тут подошел официант и принялся выставлять на стол тарелки с широкого подноса. Он поставил перед Алевтиной ее заказ и повернулся к Алику, когда та окликнула его:

– Вы не могли бы выставить кондиционер на меньшую мощность? – сказала она, похлопав парня по спине.

Официант от неожиданности выпрямился, стал поворачиваться к Алевтине, но, потеряв равновесие, качнулся, инстинктивно опершись рукой о столик. Поднос наклонился, с него со звоном посыпались тарелки и вилки. Алевтина вскрикнула и отпрянула.

– Простите... – виновато пробормотал парень. – Мы сейчас все исправим!

– Что исправите? – Алевтина вскочила. – Вы испортили мою блузку! Выплеснули на нее соус!

Она оттопыривала ткань на груди, пытаясь рассмотреть пятно.

– Успокойся, дорогая, – вмешался Алик. – С твоей блузкой все в порядке, на ней нет никаких пятен. Сейчас тебе принесут новый заказ. Так ведь?

Он посмотрел на официанта.

– Да-да, разумеется! – торопливо проговорил тот. – Еще раз извините!

Он быстро исчез и вскоре появился перед их столиком с мокрой тряпкой.

– Боже мой! – закатила глаза Алевтина. – Куда я попала! И что, вы теперь этими же руками будете брать тарелки? И нести мой заказ?

– Дорогая, ну у него же нет других рук, – стараясь скрыть насмешливый тон, проговорил Алик.

– Ты что, издеваешься? – округлила глаза Алевтина. – Ты не понимаешь, что я хочу сказать?

– Я просто хочу сказать, что ничего страшного не произошло. Сейчас он принесет тебе новый заказ, и все. Успокойся!

Гуров почувствовал явственное раздражение в интонациях Алика. Его самого тоже стало откровенно тяготить присутствие Алевтины, и про себя он твердо решил прекратить на этом общение с надоевшей парочкой.

Тем временем Алик резко одернул свою спутницу: к ним спешил официант с новым подносом. Алевтина поджала губы. Парень подоспел и склонился к столу, расставляя тарелки. Но в этот момент то ли он споткнулся, то ли просто нервничал, но рука его почему-то дрогнула, тарелка перевернулась в воздухе, и горячее содержимое щедро выплеснулось на грудь женщины.

Алевтина взвизгнула и вскочила на ноги. Официант шарахнулся в сторону и с ужасом уставился на нее. Посетители ресторана стали оглядываться на их столик, не скрывая любопытства. Алик, как показалось Гурову, усмехнулся.

Алевтина отчаянно голосила на весь зал.

– Позовите администратора! – кричала она, тряся блузкой. – Безобразие!

– Извините, я не нарочно... – пролепетал официант.

Привлеченный громкими криками, к ним спешил мужчина в строгом костюме, на груди которого был прикреплен бейдж с надписью «АДМИНИСТРАТОР».

– Прошу прощения, что случилось? – учтиво заговорил он, подходя к столику.

– Вот он, он! – Алевтина ткнула пальцем в официанта, который готов был сквозь землю провалиться. – Он меня обварил! Выплеснул огненную тарелку! Это он нарочно!

– Да что вы такое говорите, я нечаянно! – прижал руки к груди парень.

– Он уже второй раз меня обливает! В первый я еще промолчала, но теперь все! Это уже слишком! Я напишу жалобу, принесите мне жалобную книгу! – бушевала Алевтина.

Администратор, вежливо слушая и сочувственно кивая, произнес извиняясь:

– Не волнуйтесь, пожалуйста, это досадное недоразумение! Мы сейчас все исправим!

– Хватит! – Алевтина притопнула ногой. – Сколько можно? Он уже исправил! – с сарказмом в голосе кивнула она на официанта.

– Я сейчас сам разберусь, – отталкивая официанта подальше, сказал администратор. – Разрешите?

Но Алевтина ничего не слушала, продолжая возмущаться. Администратор нахмурился и, отведя официанта в сторонку, заговорил:

– Слушай, в чем дело? Откуда у тебя руки растут? Это уже который случай!

Парень пытался оправдаться, но у него плохо получалось. Администратор мрачнел на глазах.

– Вот сразу не хотел я тебя брать! – в сердцах проговорил он. – Теперь вот расплачиваюсь!

Алевтина наострила уши. Желая еще и отомстить для полного удовлетворения, она во всеуслышание заявила:

– И вообще... Я требую, чтобы его уволили!

Официант вспыхнул и вздернул голову на администратора. У того шевельнулась губа. Он явно колебался. Алевтина продолжала настаивать на своем.

– Хорошо, – наконец произнес администратор. – Мы так и сделаем. Только успокойтесь, пожалуйста.

Мария приоткрыла было рот, чтобы вмешаться – Гуров по выражению ее лица видел, что она хочет заступиться, но не успела: официант, секунду постояв, вдруг резко сдернул фартук, швырнул его прямо в Алевтину и, развернувшись, размашисто зашагал к выходу.

– Наглец! – ахнула та, брезгливо стряхивая с себя фартук.

Администратор поскорее забрал его и спросил:

– Вы удовлетворены?

Алевтина не знала, что сказать. Она, похоже, не чувствовала удовлетворения, осознавая, что парень не оказался растоптанным, как бы ей того хотелось. Но тут она поймала каменный взгляд Алика, и, видимо, это немного отрезвило ее.

– Да, все в порядке, – пробормотала она.

– Мы сейчас принесем вам ужин, – пообещал администратор и торопливо пошел прочь.

Возле дверей он остановил за плечо официанта, и было слышно, как он произнес слово «расчет». Официант, теперь уже бывший, дернул плечом и, отрицательно помотав головой, вышел из ресторана. Пару секунд постояв, администратор прошел на кухню.

Гуров, быстро доев второе, произнес:

– Ну, нам пора. Спасибо за компанию.

– Как, вы уже уходите? – округлила глаза Алевтина.

– Да, – быстро вмешалась Мария, поднимаясь. – Мы ведь только сегодня прилетели. Хотели немного прогуляться по берегу – и спать!

Видимо, зря она произнесла последнюю фразу, потому что Алевтина сразу же воскликнула:

– Ой, подождите нас! Мы тоже хотели прогуляться по берегу! Сразу после ужина – да, Алик?

Тут принесли заказ. Причем администратор лично принес ужин на двоих – на Алевтину и ее спутника. Однако Алик вдруг резко поднялся и произнес:

– Прости, я сыт. И по берегу гулять не расположен.

Он развернулся и пошел на выход. Алевтина, не ожидавшая ничего подобного, вскочила и бросилась за ним. Она на ходу пыталась ухватить Алика за руку и что-то говорила ему, явно оправдываясь. Однако Алик был холоден и сдержан. Решительно качнув головой, он высвободил руку и быстро вышел. Алевтина в растерянности стояла посреди зала, потом медленно пошла обратно к столику. Когда она присела за него, в глазах ее появились слезы. Гуров с Марией поднялись и попрощались с ней.

Когда они вышли на свежий воздух, Мария облегченно вздохнула.

– Полностью с тобой солидарен, – тут же произнес Гуров, не давая ей начать тему. – Машенька, я прекрасно знаю, какие чувства тебя обуревают, но не хочу вообще об этом говорить. – Лев сжал ее руку.

– Спасибо за понимание, сыщик! – засмеялась Мария, но не слишком весело. – За годы совместной жизни ты научился понимать меня не то что с полуслова, а с полувзгляда!

Не торопясь, они спустились к морю, радуясь возможности побыть вдвоем, но тут их неожиданно окликнули сзади. Гуров с Марией синхронно повернулись: по лестнице торопливо, чуть подняв подол длинной юбки, чтобы не споткнуться, спускалась Алевтина. Гуров едва не выругался вслух и уже собрался резко заявить, что они хотят побыть вдвоем, но Алевтина жалобно произнесла:

– Подождите, пожалуйста!

После инцидента в ресторане она успела переодеться и даже туфли сменила с босоножек на закрытые шпильки, что было явно неподходящим вариантом для прогулок по пляжу. Гуров и Мария стояли молча, готовые сразу же уйти.

– Я вас прошу, не оставляйте меня, пожалуйста, – все тем же жалобным голосом попросила Алевтина. – Я знаю, что испортила вам ужин. Простите меня! Я только теперь поняла, как была не права, после того как Алик обиделся и ушел.

– И куда же он ушел? – спросила Мария скорее из вежливости.

– Не знаю, – Алевтина шмыгнула носом. – И телефон у него отключен.

– Ну, вернется, – безразлично проговорил Гуров и, никак больше не комментируя ситуацию, повернулся и вместе с Марией пошел вдоль берега.

На берегу было тихо. Уже стемнело, и спала жара. Народу почти не было. Волны еле слышно колыхались, слегка набегая на берег. Говорить не хотелось, не хотелось нарушать эту вечернюю благодать. Даже Алевтина притихла и как-то погрузилась. Хотя, возможно, это было связано не с созерцанием крымского вечера, а с личными переживаниями. Она шла чуть поодаль, медленно, явно думая о чем-то постороннем. Скорее всего, переживала из-за разговора со своим Аликом.

В голове Гурова наряду с поэтическими мыслями были самые заурядные: он мечтал о том, как вытянется на чистой постели и погрузится в спокойный сон до завтра. А завтра снова будет беспечно лежать на солнце, пробовать крымские разносолы и местное вино, после обеда отдыхать в номере, и так каждый день, пока... Пока ему это не надоест. А надоест, должно быть, скоро, потому что не умел полковник Гуров отдыхать. Вот не научился за всю свою не короткую жизнь, и все тут. Наверное, Мария подумала о том же, потому что несколько раз искоса бросила на мужа оценивающий взгляд – она слишком хорошо его знала и уже догадывалась, о чем он думает. Однако вслух Мария ничего не сказала.

Внезапно тишина была нарушена каким-то слабым вскриком со стороны, будто донесенным ветром. Гуров невольно остановился и замер, повернув голову. Мария удивленно спросила:

– Ты что?

– Тихо! – Гуров прислушался. – Ты ничего не слышишь?

– Нет, – пожала плечами Мария. – А что такое?

– Вон там, – Гуров показал рукой на скалу, откуда сегодня днем ему был слышен крик. – Там кто-то кричит или стонет.

– Глупости! – поежилась Мария. – Кто там может кричать? Там располагается какой-то санаторий.

– Вот оттуда и кричат, – стоял на своем Лев. – Я сегодня днем уже слышал.

– Ну мало ли! Люди громко разговаривают, смеются...

– Нет, это не похоже на смех!

– Ну и что ты предлагаешь? – усмехнулась Мария. – Подняться на гору и спросить, кто тут у вас кричит?

– Нет, конечно. Просто странно немного.

– Ох, сыщик! – Мария покачала головой и взяла мужа под руку. – Вечно ты во всем видишь криминал!

Неожиданно Гурова поддержала Алевтина:

– Знаете, про это место ходят нехорошие слухи! – Она понизила голос. – Говорят, там насильно держат людей! Ну, как рабов...

– Это кто же говорит? – заинтересовался Гуров.

– Люди, – ответила Алевтина. – Я вчера ночью тоже слышала, как будто кто-то плакал. Я еще подумала, что это котенок. А теперь понимаю, что это человек! А вы что, действительно сыщик? – резко сменила она тему.

– Полковник МВД, – кратко ответил Гуров, не вдаваясь в подробности. Он не любил рассказывать о своей работе посторонним.

– Надо же, как интересно! – протянула Алевтина.

– Все, пора домой! – громко провозгласила Мария, которая, кажется, опасалась, что Алевтина теперь примется профессионально терзать ее мужа. – Пойдемте в пансионат!

На этот раз Алевтина возражать не стала, и вся компания благополучно вернулась в пансионат. Алевтина бросила взгляд на окно своего номера. Оно было темным, и женщина подавила вздох.

– Не хотите посидеть в баре? – предложила она, но Гуров с Марией решительно отказались, сославшись на то, что у них слипаются глаза.

– Да-да, здешний воздух и впрямь действует удивительным образом! – подтвердила Алевтина. – Я прошлую ночь дрыхла как убитая, хотя в Москве без снотворного заснуть не могу! А тут просто как младенец забылась!

– Ну вот и славненько, сейчас тоже быстро заснете, – скороговоркой проговорила Мария, уже нажимая кнопку лифта.

Алевтина явно не хотела оставаться одна, но деваться было некуда, и она вместе с ними поднялась на шестой этаж. Они попрощались до утра и разошлись по своим номерам.

Мария первой отправилась в душ, а Гуров, раздевшись, лег на постель. Из головы у него не выходил жалобный крик, доносившийся со скалы. Кто там мог кричать и почему? Странно!

«Хотя, наверное, Мария права, – подумал он. – Я просто привык ко всему относиться с подозрением. Похоже, я и впрямь свою профессию выбрал еще не родившись. Уж слишком она на меня влияет, даже на мировосприятие...»

Он хотел еще поговорить с Марией на эту тему, но веки стали предательски тяжелеть, и Лев не заметил, как погрузился в сон. Он не слышал даже, как вернулась из душа Мария, не видел, как она, завернутая в пушистое желтое полотенце, склонилась над ним, не чувствовал, как нежно провела длинными пальцами по лицу и поцеловала в щеку. Сон полковника был крепок и безмятежен.

Проснулся он от стука в дверь и некоторое время не мог понять, что происходит. Подумал было, что они с Марией проспали и опоздали на завтрак и теперь горничная принесла им его в номер. Однако, подняв голову, он увидел, что за окном темно. Стук в дверь продолжался. Мария тоже проснулась и вопросительно посмотрела на мужа.

– Пойду спрошу, кто там, – Лев неохотно слез с постели и пошел к двери.

– Это я, Алевтина, – торопливо проговорили из-за нее, и Гуров, не скрывая удивления, приоткрыл дверь.

В коридоре стояла Алевтина. Лицо ее было бледным и взволнованным.

– Простите, пожалуйста, не могли бы вы позвать Машу? – шепотом спросила та.

– Вообще-то она уже спит, – на сей раз не пытаясь скрыть недовольство, ответил Лев.

– Пожалуйста! – умоляюще повторила та и огляделась по сторонам.

– Может быть, вы войдете, раз это так срочно? – предложил Лев.

– Я? Да, войду. Нет! – вдруг вскрикнула Алевтина. – Сначала позовите ее!

Все поведение женщины выглядело более чем странно. Лев помедлил, но все же подошел к кровати и сказал:

– Там эта ненормальная Алевтина хочет тебя видеть! В три часа ночи!

– О боже! – сонно пробормотала Мария.

– Если хочешь, я сейчас же скажу ей, что ты не можешь подойти!

– Нет, не надо! Вдруг у нее и впрямь что-то срочное?

Мария спросонья сунула босые ноги в тапочки и прошла к двери. Гуров снова опустился на постель, но заснуть уже не мог. Мария что-то задержалась у дверей, Гурову было слышно, как они шептались с Алевтиной, но слов было не разобрать. Наконец послышались осторожные шаги, затем голос Марии произнес:

– Гуров, проснись! Нужна твоя помощь.

подавив досаду, полковник поднялся, надел рубашку и брюки и собрался было выйти из номера, но Мария уже провела в него Алевтину. Та стояла как невменяемая, ее начинала бить дрожь. Гуров встревожился и прямо спросил:

– Что случилось?

– Сейчас расскажу, – Мария достала из бара бутылку коньяка и налила граммов пятьдесят в бокал, протянув его Алевтине.

– Вот, выпейте, – проговорила она. – И присядьте.

Алевтина покорно опустилась в кресло и выпила коньяк. Затем поставила на столик пустой бокал, который отозвался звоном. Алевтина вытянула перед собой руки и с удивлением обнаружила, что они дрожат.

– Господи! – заикаясь, проговорила она. – Какой кошмар!

– Да что-случилось-то? – не выдержал Гуров.

Алевтина перевела на него взгляд и произнесла:

– Алика убили...

Она сказала это таким тоном, словно сама не верила в то, что говорит, и была удивлена тем, что произносит эти слова. Гуров нахмурился и посмотрел на Марию. Та развела руками, давая понять, что сама толком ничего не знает.

– Я вас прошу, помогите, помогите мне! – Алевтина вцепилась в руку Марии. – Никто не должен знать, что я была здесь с ним! Господи! Это же кошмар! Мне конец! Помогите, я прошу вас!

– Но чем же мы можем помочь? – растерянно спросила Мария, поворачиваясь к мужу за поддержкой. Гурову ситуация нравилась все меньше и меньше.

А Алевтина вдруг разрыдалась. Мария принялась ее успокаивать, Гуров же подумал о том, как действовать дальше, если действительно произошло убийство. И, что хуже всего, если его совершила Алевтина... Тогда ее нахождение в их номере крайне нежелательно. И вообще, все это совершенно не к месту и не ко времени. Впрочем, убийство всегда не ко времени. Но в самом ли деле совершено убийство? Где, как? Известили ли полицию? Если нет, то это нужно сделать... Он не знал ответов на эти вопросы, а получить их нужно было как можно скорее. Поэтому он мягко отстранил Марию и собрался поговорить с Алевтиной сам.

– Вы можете говорить? – требовательно спросил он. – Вам нужно успокоительное?

Алевтина трясла головой, не отвечая, и Гуров заговорил жестко:

– Послушайте, если вы немедленно не прекратите истерику, я вызову полицию и передам вас в ее руки. Дело серьезное, и вашими соплями здесь никто заниматься не станет! Так что если уж вы пришли к нам, то извольте подчиняться!

Алевтина подняла на Гурова испуганный взгляд. Наверное, она не привыкла, чтобы с ней так разговаривали, но Гуров не собирался церемониться.

– Будете отвечать? – коротко уточнил Гуров, и та сразу закивала. – Хорошо. Тогда скажите, с чего вы взяли, что его убили? Вы видели труп?

Услышав слово «труп», Алевтина вздрогнула, но ответила:

– Да.

– Где, когда? – нетерпеливо продолжал Гуров. – Не заставляйте меня вытягивать из вас клещами каждое слово!

– На берегу, на пляже, – заговорила Алевтина. – Он лежал там на песке, у него кровь текла из головы! Я думала, он просто упал и ударился, но рядом не было ничего, обо что можно удариться! Только песок! И рана такая огромная! Ужас! Я чуть сознание не потеряла, когда увидела...

– Когда это произошло? – перебил ее Гуров.

– Несколько минут назад!

– Что вы делали на пляже в такое время? Вы давно должны были спать у себя в номере!

– Я и спала! Вернее, пыталась заснуть, но почему-то не могла. Алика не было, я переживала, где он. Ведь мы с ним поссорились, я боялась, что он обиделся и уехал в Москву! Но тут мне пришла эсэмэска!

– Вот как? – заинтересовался Гуров. – От кого?

– От него, от Алика! Он просил прощения и еще писал, чтобы я прямо сейчас пришла на берег!

– Посреди ночи? – Гуров недоверчиво покосился на нее. – И вас это не насторожило?

– Нет, я... – Алевтина снова растерялась. – Понимаете, я даже не задумалась над этим! Я была так обрадована тем, что Алик хочет помириться, что даже не подумала о времени! Мне казалось, что это не имеет никакого значения! К тому же выглядело романтично...

Гуров не стал ничего комментировать, он продолжал задавать вопросы.

– Эсэмэс пришло с телефона Алика?

– Да, конечно! Там высветилось его имя! А почему вы спрашиваете?

Гуров по-прежнему ничего не объяснял Алевтине, пытаясь выяснить как можно больше подробностей.

– Можно еще коньяка? – попросила она.

– Можно, только не увлекайтесь, – предупредил Гуров. – Мне еще нужно многое от вас услышать.

– Нет-нет! Я вообще, кажется, не смогу сейчас захмелеть, – ответила Алевтина.

Полковник отметил, что коньяк ее и впрямь, что называется, не брал, но оказал благотворное действие: почти белые до этого щеки Алевтины окрасились румянцем, руки перестали дрожать, глаза немного заблестели. И вообще, за разговором она несколько успокоилась. Гуров продолжал расспрашивать, и в конце концов Алевтина рассказала все с самого начала – с момента знакомства с Аликом.

Гуров узнал, что этот молодой человек подсел к ней в ночном клубе, куда она отправилась «немного развеяться», когда ее муж уехал в командировку. Это была классика знакомства молодого жиголо и не слишком молодой, но обеспеченной дамы. Несколько откровенно льстивых комплиментов «вы чудесно выглядите, я думал, вы моя ровесница», трогательное замечание «у вас такие печальные глаза, неужели вы так одиноки?», будто бы нечаянные касания ладоней, волос, плеч – все это способно покорить женщину, тем более такого склада, как Алевтина. Ей было сорок пять, она была женой крупного чиновника из департамента строительства, детей не имела, и всю жизнь, с момента, как вышла замуж, занималась только собой. Супруг, Виктор Павлович Кроханов, был старше Алевтины на двенадцать лет. Когда они познакомились, ей было двадцать, а ему соответственно тридцать два, и он был в том возрасте, когда самый расцвет у мужчины еще впереди.

И расцвет состоялся: Виктор Павлович пусть не стремительно, но уверенно шагал по карьерной лестнице, во многом благодаря своему дяде, занимавшему завидный пост в городской администрации. К сорока годам Виктор Павлович был заместителем начальника отдела, а после стал и начальником. Жену свою он баловал, не скупился на наряды и украшения и регулярно вывозил на отдых за границу, причем не в Турцию или Таиланд, а в места погла-

мурнее: Канары, Мальдивы, лучшие места Западной Европы. Алевтина же после замужества забросила институт, в котором отучилась три курса, потом с помощью мужа, а точнее его денег, восстановилась и получила диплом, не появившись при этом на занятиях ни разу. Работать она по полученной специальности не стала, так как не понимала в химической металлургии, куда ее непонятным образом занесло в восемнадцать лет, ровным счетом ничего. Впрочем, ни на каком ином поприще она тоже не стала трудиться, сочтя, что ее жизненная миссия и так выполнена: она состоялась как жена состоятельного человека – вот такой каламбур.

Годы шли, Виктор Павлович постепенно входил в возраст, когда сильные страсти уже не так будоражат душу и тело, а само тело постепенно из молодого и подтянутого превращается в рыхлое, с выпирающим животом и прочими издержками старости. Сейчас, на пороге шестидесятилетия, он уже выглядел глубоко пожилым мужчиной, в то время как Алевтина продолжала сохранять привлекательность. Конечно, она не выглядела на восемнадцать, но благодаря регулярным массажам и омолаживающим процедурам была вполне себе ничего. Но мужа уже не очень волновали ее сексапильные наряды, гладкая, атласная от избытка крема кожа, пухлые, подпитанные силиконом губы. Его вообще интересовали только отдых и покой, когда он возвращался домой из своего департамента поздно вечером. И хотелось ему только плотно поужинать и крепко выспаться перед очередным рабочим днем. К тому же он часто уезжал в командировки, так что Алевтина была предоставлена сама себе. И неудивительно, что она заскучала. Салоны красоты и магазины ей успели поднадоесть за эти годы, детей, как уже говорилось, она не родила, никаких увлечений у нее тоже не было. А тело ее, любовно выхоленное в массажных кабинетах, еще хотело многого. Того, чего Виктор Павлович, увы, не мог, а может быть, и не хотел ей дать. Поэтому вполне закономерным было то, что Алевтина откликнулась на ухаживания смазливового парня практически мгновенно. Ему даже не пришлось ее завоевывать – крепость сама пала к его ногам на второй вечер знакомства.

У Алевтины закружилась голова. Конечно, в ее жизни и раньше случались интрижки на стороне, но это были именно интрижки, ничего серьезного, и она отдавала себе в этом отчет. В большинстве случаев это были женатые мужчины, ее ровесники или чуть старше, которые просто искали чего-то новенького на стороне. Ни с кем из них Алевтина не планировала долгосрочных отношений.

– А с Аликом, значит, планировали? – первый раз за время монолога Алевтины позволил себе перебить ее Гуров.

Алевтина вспыхнула и смутилась. Поняв, что выглядит несколько смешно в глазах полковника, она быстро наполнила рюмку коньяком и залпом выпила.

– Понимаю, что кажусь вам наивной, – кивнула она. – Но и вы поймите меня! Я все время одна! У меня, по сути, никого нет! Муж все время занят, а если и дома, то его все равно что нет! Он давно уже не интересуется мною, даже не спрашивает, как я провела день и как у меня дела!

– Может быть, потому, что знает, что у вас нет особых дел? – предположил Гуров. – А ваш распорядок дня ему давно хорошо известен.

– Вы все время стараетесь меня уколоть! – с упреком воскликнула Алевтина.

– Да боже упаси! Просто пытаюсь взглянуть на ситуацию со стороны, – сказал Гуров. – Но вы продолжайте, пожалуйста. И побыстрее, а то скоро светать начнет.

За окном в самом деле появились первые признаки приближающегося рассвета. Алевтина вспомнила, в каком положении находится, и в ее глазах снова повис испуг. Она выпила еще коньяка, и Гуров на всякий случай убрал бутылку, хотя Алевтина выглядела абсолютно трезвой.

Словом, они с Аликом стали встречаться ежедневно. Для этого снимали номера в гостинице, ездили в рестораны и клубы. Поначалу Алевтина еще как-то таилась, опасаясь, как бы муж не узнал о ее романе, но потом быстро осмелела. Муж, как всегда, был занят работой,

домой приезжал поздно и ни о чем не догадывался. А когда он уезжал в командировку, Алевтина и вовсе приглашала Алика к ним в дом, заранее распуская прислугу.

В конце концов она убедила саму себя, что занимает в жизни Алика прочное место. Он же занял его в ее сердце. Конечно, она тратила на него деньги – оплачивала все счета. Но Алик был так мил, он принимал эти деньги с благодарностью и взамен дарил Алевтине такие головокружительные впечатления, что она считала пошлым даже задумываться над его ипостасью альфонса. В самом деле, ну откуда у него деньги? Молодой парнишка, приехал откуда-то из Астрахани, кажется, – она даже точно не помнила. Было бы бестактно с ее стороны тыкать его носом в этот факт. И почему она не может заплатить, если у нее есть такая возможность? Алевтина самой себе ни за что не призналась бы, что платит за эти отношения и что готова платить, даже если ей поставят такое условие. За полтора месяца отношений она крепко «подсела» на Алика и совершенно не хотела его терять. Более того, она хотела «вывести его в люди», обеспечить карьерный рост, наивно полагая, что уж за это он точно будет ей благодарен, а посему никогда не решится бросить.

Бесполезно гадать, что бы там произошло и как закончился этот роман, если бы чья-то рука этой теплой августовской ночью не прервала жизнь Алика на берегу Черного моря. Того самого Черного моря, на которое он так уговаривал Алевтину поехать! А ей-то хотелось позвать его куда-нибудь на Бали, чтобы посмотрел мир, ведь без нее ему никогда его не увидеть! А он заладил – Крым да Крым! Говорил, что с детства мечтал побывать в Крыму, но родители не могли позволить подарить сыну такую поездку – жили небогато, можно сказать, перебивались, какие уж тут выезды на море!

И Алевтина, исполнившись щемящей жалости, воспрянула и твердо решила – поедem! Родители не смогли, а она сможет исполнить детскую мечту! Все-таки Алик сумел точно нащупать ее слабое место – материнский инстинкт. Не имея собственных детей, Алевтина перенесла это чувство на Алика, сочетая его с чувственным влечением. Что ж, нередкая картина.

Все складывалось удачно: Виктор Павлович как раз собирался в очередную рабочую командировку. Алевтина, будучи прекрасно осведомленной об этом, надула губки и заявила о своем желании поехать в Крым вместе с мужем, прекрасно зная, что он откажет. Так и вышло: Виктор Павлович сказал, что никак не сможет составить ей компанию, и предложил съездить самой, тут же выделив необходимую сумму на поездку. Алевтина немного покапризничала для вида, но быстро согласилась. Цель была достигнута: проводив мужа, Алевтина упаковала вещи, забронировала двухместный номер в пансионате «Лазурная бухта» и через несколько часов уже дремала в салоне самолета, положив голову на плечо Алика.

И все было чудесно и замечательно, неделя пролетела мгновенно, и Алевтина нисколько не пожалела, что выбрала именно это место для отдыха. Мужу она звонила раз в день, а то и реже, скороговоркой произносила «все хорошо, целую, милый!» и возвращалась к Алику.

Непонятно, почему они вдруг начали ссориться. Целых три раза подряд! Никогда раньше такого не было! И все из-за каких-то пустяков. Алевтине казалось, что Алик нарочно стал к ней придирается. Подумала даже, что он положил глаз на кого-то из молоденьких свистушек, отдыхающих в пансионате. Ненароком проследила – нет, ни с кем не заметила. Грешным делом, даже карманы его проверила – ничего компрометирующего. Залезла в мобильник – тоже чисто: ни эсэмэсок влюбленного содержания, ни посторонних звонков. Немного успокоилась, решила больше следить за собой и собственным поведением, и тут на тебе – ссора на пустом месте! И все из-за какого-то криворукого официанта, будь он неладен! Кто мог подумать, что Алик так оскорбится?

Поначалу Алевтина еще дулась, потом нервничала, после уже готова была сама просить у Алика прощения, когда вдруг от него пришла эта эсэмэска, сразу всколыхнувшая в ней омраченную было радость. Да она бы не только на берег – в соседний поселок помчалась бы среди ночи! Шла в темноте, спотыкаясь, и даже не думала, чего ради он позвал ее именно сюда. Осве-

щенной была только территория пансионата, на пляже же было темно, и Алевтина несколько раз чуть не упала.

Придя на пляж, сощурилась, вглядываясь в южную черную темноту, пытаясь разглядеть силуэт Алика на берегу. Увы, никого не было видно. Она даже позвала, несколько раз негромко крикнула «Алик», но никто не отозвался. Медленно пошла вдоль воды, надеясь, что Алик сам ее найдет. Шла, пока не наткнулась на что-то твердое. Ойкнув, наклонилась – и вся похолодела... Сначала думала, ошиблась, потом решила, что Алик пьян, потом, что это дурацкий розыгрыш... А когда поняла, что это не шутки, резко повернулась и бегом помчалась к пансионату. Бежала, невзирая на темень, на увязавшие в песке ноги, ни о чем не думая – работал только инстинкт самосохранения.

И только вбежав к себе в номер и немного отдышавшись, почувствовала, как ей страшно находиться одной. С берега ее гнала только одна мысль – подальше, подальше отсюда! Теперь, убежав от этого зловещего места, она чувствовала, что ей нужна помощь. Алевтина металась по пустому номеру, периодически ловя себя на невозможной мысли, что вот сейчас придет Алик и подскажет, что делать. И тут же приходила в ужас от следующей: что Алик уже никогда не придет.

Промаявшись так какое-то время, Алевтина вспомнила о своих соседях по номеру. Именно к ним решила она обратиться за помощью – то ли вспомнила о том, что высокий мужчина с благородной сединой на висках – полковник МВД, то ли его жена показалась ей женщиной, способной на сочувствие... Так или иначе, а выбор у Алевтины был невелик, и в третьем часу ночи она решилась постучать в номер Льва и Марии.

Алевтина закончила свой рассказ и теперь умолкла, напряженно всматриваясь в лицо Гурова. Лев, нахмурившись, постукивал пальцами по ручке кресла. Сидевшая на постели Мария тоже смотрела на мужа в ожидании его реакции. Но вместо какого-либо утвердительного ответа Гуров спросил:

– Ну и что вы от меня хотите?

– Как что? Помощи... – Алевтина оглянулась на Марию, ища ее поддержки.

– Это я понял, но какой помощи? – сделал Гуров акцент на слова «какой».

Алевтина на мгновение замешкалась, а потом выпалила:

– Вы должны меня защитить!

– От кого? – поднял бровь Гуров.

– От... От полиции! И от мужа!

– Боюсь, вы обратились не по адресу, – покачал головой Гуров. – Кто я такой, чтобы защищать вас от мужа? Да и как защищать?

– Я... Я... – Алевтина сжимала и разжимала пальцы, силясь сформулировать, что все-таки ей нужно от Гурова.

Полковник внимательно посмотрел на нее и произнес:

– Вот что, Алевтина. Вы вляпались в пренеприятнейшую историю. И сами это понимаете. Но вот дальнейшие события вы понимать, точнее принимать, отказываетесь. А они состоят в том, что вам придется ответить на вопросы полиции и, возможно, вашего мужа, если, конечно, он пожелает поинтересоваться, почему убитый молодой человек проживал с вами в одном номере.

– Но этого нельзя допустить! – вскричала Алевтина. – Ни в коем случае! Виктор – он же... Он меня убьет!

Гуров лишь руками развел, давая понять, что здесь он бессилен.

– Но послушайте... – Алевтина вскочила с кресла и вцепилась в руку полковника. – Вы же сами работаете в полиции – вы же можете что-то сделать!

– Что, например? – снова вопросом ответил Гуров. – Сказать, что вы невиновны в смерти вашего бойфренда и чтобы вас оставили в покое?

Алевтина осторожно кивнула, подразумевая, что именно это она и хотела сказать.

– Боюсь, это невозможно.

– Почему? Вы что, мне не верите? – воззрилась на него Кроханова.

Гуров поморщился и принялся объяснять терпеливо, как ребенку:

– Я, знаете ли, привык верить фактам, а не словам. Но дело не только в этом. С какой стати я стану вмешиваться в дела местной полиции? У меня нет никаких полномочий! Я нахожусь здесь как частное лицо, как простой отдыхающий и ничем в этом смысле не отличаюсь от вас. Меня никто слушать не станет.

– Но вы можете попросить тоже вести это дело! Параллельно с местной полицией! – предложила Алевтина. – И сделаете все так, чтобы меня оно не коснулось!

Гуров подавил вздох.

«Поразительно! – подумал он. – Эгоизм вкупе с наивностью просто зашкаливающие! Сама поехала на юг с любовником, сама вляпалась в историю с убийством, а теперь хочет остаться в стороне, да так, что ее и саму тронуть не моги! Она должна быть чиста как ангел – и перед полицией, и перед мужем! Между тем никаких доводов за это я пока что не вижу!»

Гуров еле сдержался, чтобы не проговорить это вслух, но все же сказал другое:

– Нет, я не могу этого сделать. Нет оснований. И, поверьте мне, местная полиция очень не любит, когда в ее дела вмешиваются всякие приезжие оперативники, будь они хоть полковники из столицы. Так что в этом вопросе вам на меня рассчитывать не приходится.

– Ну и что же мне делать?! – вскричала Алевтина, и в голосе ее появились истерические нотки. – Вы можете мне хотя бы посоветовать?

– Вот это другое дело! – отозвался Гуров. – Посоветовать – пожалуйста. И в первую очередь я советую вам взять себя в руки и сохранять спокойствие. Затем подробно и честно – слышите? – рассказать о ваших отношениях с Аликом и в особенности о сегодняшнем инциденте с обнаружением тела, – Гуров заговорил привычным протокольным языком, каким говорил всегда, когда вел какое-либо дело.

– Нет, нет, что вы! – снова всполошилась Алевтина. – Я не смогу! Они мне не поверят! Они сообщат мужу!

– Ну, мужу они ничего сообщать не обязаны. А вот насчет того, поверят или нет... Вы не дотрагивались до его раны? Кровью не запачкались?

– Вроде нет... – Алевтина растерянно стала осматривать себя. – Но рану я точно не трогала! Что вы!

– Снимите ваши туфли! – потребовал Гуров, и Алевтина протянула ему свои босоножки. Полковник внимательно осмотрел подошвы. Видимых следов крови не было.

– У вас в телефоне сохранилось эсэмэс от вашего бойфренда?

– Наверное, да. Я не удаляю эсэмэски от Алика!

– Это тоже скорее плюс, – продолжал рассуждать полковник. – Смс примирительного содержания – раз. Любовник сам позвал вас на пляж – два. То есть вы не могли заранее спланировать убийство. Если, конечно, не сами себе отправили это злосчастное эсэмэс...

– Да вы что? – Алевтина чуть не подпрыгнула. – Как вы могли обо мне такое подумать!

– Ох, е! – вслух вздохнул Гуров. – Одним словом, сохраняйте спокойствие и твердо стойте на своем. Прямых улик против вас нет, мотива, в общем, тоже... За исключением ссоры. И вот это плохо!

– Но ведь никто о ней не знает! Вы же не скажете? – Алевтина переводила взгляд с Гурова на Марию.

– Дело не в нас. В эсэмэске открытым текстом сказано, что он просит у вас прощения. Сразу напрашивается вопрос – за что? А за ним следует второй – почему посреди ночи вашего спутника не было с вами в номере? И это подводит нас к ответу, что была ссора. А где ссора – там и мотив. Полиция рассуждает именно так, – пояснил Гуров.

– А может быть, удалить эту эсэмэску? – спросила Алевтина.

– Замечательно умное решение! – не сдержал-таки Гуров своего сарказма. – Вы не в курсе, что практически любые удаленные данные можно восстановить? Для специалистов это дело нескольких секунд. Ну, иногда минут. Этим вы только вызовете больше подозрений. И вообще, мой вам совет – самой позвонить в полицию и все рассказать. И чем быстрее, тем лучше.

– Я? Сама? Нет, что вы, я не могу, я не могу! – Алевтина снова вскочила с кресла и заходила взад-вперед по номеру. – Меня же арестуют! И мужу сообщат! – Неизвестно, чего она боялась больше. Эти две перспективы рисовались ей одинаково устрашающими.

– Кстати, ваш муж уже вернулся из командировки?

– Муж? Не знаю... Я вчера не звонила ему – как-то не до того было, – женщина нервно поправила волосы.

– Алевтина, а вот ответьте мне на такой вопрос... – Гуров пристально посмотрел на нее. – Кто мог убить Алика?

Алевтина ответила ему таким взглядом, в котором явно читалось, что задуматься над этим ей не приходило в голову.

– Успокойтесь, подумайте. Что могло произойти?

И, видя, что Алевтина недоуменно молчит, продолжал:

– Ну хорошо, давайте рассуждать вместе. В Крыму у него знакомых не было, так?

Алевтина кивнула.

– Тогда это должен быть какой-то случайный человек! – подхватила она.

– Хорошая версия, – согласился Гуров. – Но у случайного человека должен быть мотив! Самые частые мотивы в таких случаях – это ограбление либо ссора. Серьезная ссора. То, что он мог с кем-то поссориться на пустынном берегу в три часа ночи, мне лично представляется маловероятным. Остается ограбление. Алик носил с собой деньги, ценные вещи?

– Деньги? Нет, у него не было денег! Откуда? – Алевтина пожала плечами. – А ценные вещи... Господи, ну не настолько они ценные, чтобы из-за этого убивать человека! Ну был у него дорогой телефон и еще перстень – это я ему дарила. Но и все. Все! Неужели из-за этого можно убить?

– Мне жаль рушить ваши радужные представления о жизни, но, поверьте: убить могут и из-за менее значительных ценностей, – усмехнулся Гуров. – Вы не заметили, когда наклонялись, перстень был у Алика на пальце?

– Нет, конечно! Вы думаете, мне до того было? – с обидой в голосе произнесла Алевтина. – Да мне и в голову не пришло ничего подобного! Господи! Да лучше бы у него все, все забрали, но только не убивали! – Алевтина готова была вновь удариться в слезы, и Гуров быстро «снял» ее с этой темы, задав следующий вопрос:

– Алик ни с кем не конфликтовал здесь? На ваших глазах не было никакой ссоры? Ну, может быть, с кем-то из местных повздорил, на рынке, к примеру... А народ здесь горячий, многонациональный состав. Могли счесть за оскорбление.

– Нет, что вы, ничего подобного не было! Алик вообще неконфликтный человек! – принялась защищать Алевтина своего любовника. – Он очень спокойный и миролюбивый. Наоборот, он мог сгладить любой конфликт!

Гуров вспомнил сцену в ресторане, когда Алевтина устроила скандал официанту, вспомнил реакцию Алика и решил, что тут стоит согласиться с Крохановой.

– Значит, версию с ссорой с местными мы отодвигаем. С ограблением пока непонятно... – задумчиво проговорил Гуров. – А что вы вообще знаете об Алике? Ну, фамилия его, где жил в Москве?

– Фамилия его Веретенников, – ответила Алевтина. – В Москве он снимал квартиру. Где-то на Юго-Западе.

– Вы там были? – уточнил Гуров.

– Я? Нет, что вы! Он снимал ее на пару с каким-то приятелем, они вместе приехали из Астрахани. Я предлагала Алику снять отдельное жилье, попримичнее, но он говорил, что не может бросить друга. Они с детства дружат. Он был очень порядочный!

Гуров не стал комментировать последнее утверждение, он ухватился за более ценную информацию:

– Как зовут этого друга? Чем он занимается? Как фамилия?

Увы, ответа ни на один из этих вопросов Алевтина не знала. Приятели Алика ее не интересовали, а уж тем более круг их занятий. Понятно, что они не вписывались в ту систему координат, в которой жила она.

Собственно, и Гурова это не слишком интересовало. Расследованием смерти Алика Веретенникова займется местная полиция. Все эти сведения они должны будут получать самостоятельно. Но профессиональная привычка не оставлять без внимания важную информацию по убийству и здесь сыграла свою роль.

– Одним словом, ничего не понятно, – сделал вывод Гуров.

– Зато мне понятно! – вдруг решительно произнесла Алевтина и резко поднялась.

– Что вам понятно? – уточнил Гуров.

– Мне нужно уехать отсюда! Немедленно! – В Алевтине проснулась активность. Она посмотрела на часы: – Во сколько первый рейс на Москву? Нужно позвонить в аэропорт!

– Не делайте глупостей, – предостерегающе поднял руку Гуров. – Сбежав сейчас, вы только усугубите свою вину!

– Нет-нет! Я знаю, что делаю! Я прилечу домой и скажу мужу, что стала свидетельницей убийства! Убийства совершенно постороннего человека! И что теперь меня необходимо спрятать, оставить в покое! У мужа такие возможности, что он сумеет это сделать! Мне лишь нужно убедить его, что этот человек действительно мне совершенно посторонний! Он же не узнает, что мы жили в одном номере? – Алевтина посмотрела на Гурова так, словно ждала, что он сейчас скажет ей, что план замечательный и что, конечно же, все будет именно так, как она рассчитывает.

Но полковник вынужден был ее разочаровать:

– Я могу привести вам десяток аргументов, выслушав которые вы поймете, что ваш план трещит по всем швам! Но приведу пока только один: вас так просто не оставят в покое! Наоборот, начнут искать усердно! И уж конечно, в этом случае ваша интрижка станет достоянием вашего мужа!

Но Алевтину было уже не остановить. Вдолбив себе в голову, что ее спасение состоит в том, чтобы покинуть Крым, она принялась лихорадочно нажимать кнопки экрана на телефоне. Гуров молчал. Он исчерпал все доводы. К тому же знал, что человека не слишком умного очень сложно убедить в его неправоте. А Алевтина была не семи пядей во лбу...

– Подождите! – Гуров пытался найти хоть какие-то аргументы, которые могли подействовать на женщину. – В пансионате останется запись о том, что вы здесь жили! Также здесь зафиксировано, что снимали номер на двоих! Вы думаете, ваш муж не узнает об этом?

– Нет-нет! Я что-нибудь придумаю, я скажу, что жила в другом номере, что меня попросила подруга так зарегистрироваться под своим именем, потому что не хотела, чтобы узнали о ее романе! Я скажу, что это подруга жила с Аликом под моим именем, а не я! Виктор мне поверит, я умею его убеждать! Только мне обязательно нужно его увидеть и все объяснить! Я скажу, что стала жертвой, я сумею его разжалобить – он всегда смягчается, когда я плачу!

Гуров скептически смотрел на нее. Алевтина убеждала сейчас саму себя. Все, что она хотела, – это убежать подальше от опасного места, как будто в этом состояло решение проблемы! Гуров не знал, что предпринять дальше. Аргументы были исчерпаны.

«Ну и пусть идет! – с раздражением подумал он. – Идиотка! Как хочет, так пусть и выкручивается! В конце концов, это не мое дело!»

Когда Алевтина быстро пошла к двери, он остался стоять на месте, ничего не предпринимая. Сидевшая на кровати Мария легонько тронула его сзади. Гуров обернулся.

– Послушай... – Мария говорила взволнованным шепотом. – Она сейчас не в себе. Я прошу тебя, помоги ей. Ее надо остановить, пока она не наделала глупостей.

– Машенька, она не ребенок, – стараясь говорить мягко, ответил Гуров.

Алевтина уже скрылась за дверью, и Мария заговорила своим обычным голосом:

– Я все понимаю, но еще раз подчеркиваю – она не в себе! И кроме нас, ей некому помочь.

– А почему ты так радеешь о ней? Ты же ее терпеть не могла, – усмехнулся Гуров.

– Не знаю... – задумчиво проговорила Мария. – Да, она не самый приятный человек, и вообще... В подруги себе я бы ее точно не выбрала. Но вот она представлялась поначалу такой успешной, такой из себя удачливой, нос задирала... А на поверку что оказалось? Несчастливая одинокая баба, у которой, в сущности, никого нет. Мужу она, скорее всего, давно неинтересна, хоть и не хочет этого признавать. Этот мачо был единственной ее радостью... Какой бы смешной она ни выглядела рядом с ним, все-таки это была какая-то крупица счастья.

– Ты так поэтично заговорила! – с иронией заметил Гуров. – Тебе стало ее жалко. А по мне, так это капризная, эгоистичная, лживая особа, которая никакой жалости не заслуживает.

– Я с тобой во многом согласна, но... Понимаешь, я ведь это прошу не столько ради нее, сколько ради тебя!

Поймав удивленный, непонимающий взгляд мужа, Мария пояснила:

– Просто потом она будет жалеть о сделанном, а ты будешь винить себя.

– Это еще почему? – Гуров удивился еще больше.

– Потому что ты порядочный человек! – Мария встала с постели, приподнялась на цыпочки и поцеловала мужа.

– Слушай, никогда не думал, что для меня это окажется решающим аргументом, – засмеялся Гуров, обнимая ее. А Мария продолжала:

– Пусть она делает глупости – это ее право. Но ты – ты старше, умнее и лучше. И в душе сам понимаешь, что кое-что можешь сделать. Например, осмотреть ее комнату. Впоследствии, если понадобится, ты можешь твердо свидетельствовать, что в ней, к примеру, не было орудия преступления.

– Отлично! А как я при этом буду объяснять, почему осматривал ее комнату? На каком основании я это делал? Значит, знал об убийстве и не сообщил, так?

Мария молчала, но у Гурова кое-что возникло в голове.

– Хорошо, – он легонько отстранил жену. – Осмотреть комнату я действительно имею право. Пока имею. Неофициальное. Ведь о совершении убийства еще не объявлено, дело не открыто, следовательно, никакого дела нет. И убийства пока тоже нет. Мало ли что могла наболтать экзальтированная дамочка! Может быть, это плод ее буйной фантазии или она склонна к черному юмору? Так или иначе, но я, как частное лицо, могу с разрешения хозяев рыться в любой комнате. Хотя бы для себя кое-что уточню, вдруг действительно понадобится...

– Я всегда знала, что ты у меня лучший, – с улыбкой произнесла Мария.

– Ладно, не подлизывайся! И не говори потом, что я даже на отдыхе нахожу себе работу!

– Я даже не заикнусь об этом! – Мария прижала палец к губам.

Гуров вышел из своего номера, подошел к двери Алевтины и тихонько постучал, шепотом сказав, что это он. Алевтина открыла дверь. Вещи в беспорядке были разбросаны по полу. Было видно, что она торопливо собиралась.

– Прекратите, пожалуйста, – попросил Лев. – Я тут кое-что осмотрю с вашего позволения, а вы все-таки подумайте над моими предостережениями. В первую очередь меня интересуют вещи Алика.

Алевтина закивала и поставила перед Гуровым большую спортивную сумку. Полковник принялся методично исследовать ее содержимое, доставая по одной вещи. В основном это были предметы одежды. Гуров осмотрел их все, проверил карманы, но ничего интересного не нашел. Однако на дне сумки лежал какой-то твердый плоский пакет. Гуров достал его. Это оказался конверт из плотной бумаги. Он был не запечатан.

Открыв конверт, Гуров увидел там стопку фотографий. Просматривая их, он увидел, что на всех снимках изображена Алевтина в обществе Алика. Они были сняты на пляже, в кафе, на прогулке, на яхте, во время какой-то экскурсии.

– Что это? – осведомился Гуров у Алевтины.

– Не знаю, – с удивлением проговорила та, быстро пролистывая снимки. – Алик мне их не показывал!

– Вы фотографировались где-нибудь вместе?

– Нет, только по отдельности. Понимаете, я не хотела, чтобы на наши совместные снимки случайно натолкнулся мой муж. Я такая рассеянная, что могла просто их где-нибудь выложить и забыть! Поэтому я сразу предупредила Алика, что против совместных фото. К тому же при этом нужно кого-то просить, чтобы нас сфотографировали. А так – я снимала его, он меня.

– Но ведь кто-то сделал эти фотографии? – подчеркнул Гуров. – Посмотрите, это не фотомонтаж? Вы действительно посещали эти места?

Алевтина еще раз просмотрела фотографии и убежденно произнесла:

– Да, это настоящие фото! Вот это мы в Бахчисарае, на мне как раз было вот это белое платье, а на яхте – синий сарафан. И в ресторане мы сидели за столик у окна. Но я... Я ничего не понимаю! Откуда они у Алика? Что все это значит?

– Я пока тоже не знаю, – покачал головой Гуров. – Но это еще один аргумент в пользу того, чтобы вам остаться здесь. Вы не ориентируетесь в ситуации, она не под вашим контролем. Не усугубляйте!

Алевтина ничего не ответила, и Гуров продолжил осмотр номера. Но больше ничего, заслуживающего внимания, ему не попало. Правда, один факт все же вызвал у него интерес: документов Алика нигде не было.

– Алик носил документы с собой? – спросил он Алевтину.

– Вообще-то нет, – с недоумением отозвалась та. – Мы держали их в номере, так безопаснее, я считаю. Ведь на пляже или на яхте их можно потерять!

– Тогда куда они могли деться?

– Да не знаю я! – с отчаянием в голосе выкрикнула Алевтина. – Я и в самом деле чувствую, что ничего не понимаю!

Гуров не ответил. Он прошел в ванную, хотя там уж точно не рассчитывал натолкнуться на полезную информацию. Но профессиональная привычка заставила его обследовать все помещение. Вернувшись в комнату, он сказал:

– На этом мои действия окончены. Если вы внимаете моему совету и останетесь в пансионате, то уберете себя от многих лишних проблем. Сейчас вам кажется, что это не так, но позже вы убедитесь, что я был прав. Да, вам придется пройти через ряд неприятных процедур, но это временно. Впрочем, не смею настаивать. Вам решать. Но имейте в виду: если полиция станет меня официально допрашивать, я буду говорить правду. Всего хорошего.

И, развернувшись, Гуров покинул номер Алевтины, оставив ее стоять возле постели с раскиданными на ней платьями, юбками и предметами косметики.

Глава 3

Когда он вернулся в номер, Мария по-прежнему сидела на диване. Она ничего не спросила. Гуров подошел к окну. Сон пропал, и неизвестно, удастся ли сегодня заснуть до утра...

Гуров вышел на балкон. Небо уже начинало светлеть. Воздух был еще прохладен и свеж, но чувствовалось, что утро близко. Постояв еще немного, полковник решил все-таки вернуться в постель. Поворачиваясь, он вдруг уловил боковым зрением кое-что, привлекавшее его внимание. Повернув голову направо, он увидел в полумраке очертания фигуры, которая спускалась по скале... Это была та самая скала, на которой располагался загадочный санаторий, откуда, по предположению полковника, и доносились странные звуки.

Гуров мгновенно замер и стал всматриваться. Фигура скользила медленно, походя на альпиниста. Внезапно раздался глухой стук, затем тонкий вскрик, а после Гуров увидел, как фигура быстро стала подниматься вверх, словно ее вздернули. Еще раз послышался стук, и все стихло.

Встревоженный полковник подошел к перилам балкона и, опершись на них, высунулся так далеко, насколько это было возможно. Сейчас, с балкона своего номера, он смог различить очертания какого-то здания на скале. Однако, сколько бы он ни вглядывался, таинственной фигуры больше не увидел. Не было слышно ни криков, ни стонов – ничего. Глухой тишиной веяло от этого места, и от этого оно выглядело еще более зловещим.

В номер Гуров вернулся еще более мрачным и встревоженным. Мария, не зная о том, что мужу удалось увидеть с балкона, приняла это состояние за реакцию на известие о смерти Алика. Но приставать с расспросами и давать советы она не стала. Она и сама чувствовала себя совсем усталой.

В ту ночь они с Марией уже не спали. Просто лежали, преимущественно в молчании. Мария лишь один раз спросила, что решила Алевтина, но Гуров лишь неопределенно покрутил рукой в воздухе, и Мария не стала донимать его подробностями. Она и так чувствовала себя слегка виноватой оттого, что мужу пришлось влезть в проблемы постороннего, по сути, им человека. Она знала, что, если бы подобная беда коснулась кого-то из близких людей, ее муж сделал бы все, чтобы помочь. А для человека чужого, к тому же не вызвавшего у Льва особой симпатии, он и так сделал достаточно.

Лев же вообще старался не думать о ночном эпизоде. Точнее, о дальнейшей судьбе Алевтины. Он думал о них с Марией. О том, что утром на территории пансионата наверняка появится полиция, которая начнет трясти всех отдыхающих. К счастью, посетителей здесь довольно много, и для того чтобы уделить пристальное внимание каждому, нужно большое количество сотрудников. А с этим в полиции всегда напряженка. Во всяком случае, в Москве. Как обстоит дело в Крыму, Гуров не знал, но был почти уверен, что так же, если не хуже.

И еще он думал о том, что это происшествие, как ни крути, а подпортило им случайно выдавшиеся каникулы. Убийство само по себе неприятно, а присутствие полиции способно еще больше его усугубить. Раньше Гуров, работая опером и по долгу службы вынужденный вмешиваться в частную жизнь людей, не задумывался над тем, какое неудобство им доставляет. Само это слово «неудобство» он считал неуместным, неподходящим к ситуации. Ведь совершено тяжкое преступление, и раскрыть его – первейшая задача сыщика. Это был его долг, и он рассуждал как офицер полиции (тогда еще милиции). И считал себя абсолютно правым.

Сейчас его позиция не поменялась коренным образом – он по-прежнему считал раскрытие убийства первоочередной задачей, однако он стал по-другому воспринимать отношение к этому обычных людей, волею обстоятельств втянутых в ситуацию. Произошло это после того, как ему неоднократно довелось выступить по другую сторону, то есть когда он в сложившейся ситуации был не сыщиком, не милиционером или полицейским, а простым обывателем. Тогда

он сам ловил себя на мысли, что раздражается от присутствия правоохранительных органов на его территории, от их вопросов, на которые, казалось, они не имеют права...

У каждого своя правда, свое видение ситуации. И осознание этого научило Гурова терпимости и пониманию обеих сторон. Но сейчас в нем боролись две ипостаси: сыщика с многолетним стажем – и обычного человека, который впервые за долгое время улучил возможность отдохнуть с женой.

Уже когда совсем рассвело, Гуров наконец провалился в сон, но недолгий: около девяти Мария разбудила его и предложила пойти позавтракать. О ночном происшествии ни он, ни она не заговаривали, молча дожидаясь развития событий. Но когда Лев с Марией пришли в ресторан, пансионат уже гудел, как потревоженный улей. Тело Алика было обнаружено сегодня утром уборщиками пляжа, и теперь все только об этом и говорили. Полиция, правда, пока никого из гостей «Лазурной бухты» не беспокоила, но все этого ждали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.